

НАДЕЖДА

МАМАЕВА

Это моё дело!

Профессионалы

Надежда Мамаева

Это мое дело!

«Надежда Мамаева»

2020

Мамаева Н. Н.

Это мое дело! / Н. Н. Мамаева — «Надежда Мамаева»,
2020 — (Профессионалы)

История одной удачной охоты на работодателя. Получив диплом и став выпускницей юридического факультета Татьяна Серебрянская оказалась бесценным специалистом. Ну как бесценным - с нулевой стоимостью на рынке вакансий. Она работает официанткой, ищет работу по специальности, проходит собеседования и пытается стать профессионалом. Феликс Каменев - адвокат, с большим опытом. Матерая акула юридического мира и мизантроп, глядящий на всех свысока и не носящий костюмов, дешевле пары сотен долларов. Судьба сталкивает их. Два непростых характера. Что ждет скромную вчерашнюю студентку? Неприятности? Или...

© Мамаева Н. Н., 2020

© Надежда Мамаева, 2020

Содержание

Надежда Мамаева	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Надежда Мамаева

Это мое дело!

Глава 1

*Очень горячая девушка
способна нагреть мужчину
на кругленькую сумму.*

Татьяна Серебрянская

Пятничными вечерами, такими, как сегодня, мне кажется, что я сошла с ума. Впрочем, в остальные дни недели я в этом абсолютно уверена. Но, когда в поте лица порхаешь с подносом по залу, мысль о собственной вменяемости вытесняется другой – о чаевых.

А ведь четыре года назад, сдав проклятое трижды ЕГЭ и поступив на юридический, я думала, что вытянула счастливый билет. И вот уже месяц минул, как я прошла тернистый путь госэкзаменов, защитила в неравном бою свой диплом и стала бесценным (с нулевой ценой на рынке вакансий) молодым специалистом.

Возможно, если бы я училась только за себя, то сейчас цокала бы каблучками по мраморному полу суда или фирмы, составляла договоры и стенографировала в блокноте какой-нибудь процесс. Но жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов, и стенографировала я в блокноте, увы, не процесс, а заказ: два тирамису и одно фирменное блюдо заведения – пасту карбонару, которую наш повар (явно маг-некромант по призванию) мог оживить так, что никто не догадывался о давно вышедшем сроке годности. Причем получались у него эти спагетти – уроженцы Барнаула – не только вкусными, но и безопасными для желудков посетителей славного заведения «Голодный лось». Я же говорю – маг!

– Таня, пошевеливайся, за седьмым тебя заждались уже! – уверенный голос с восточным акцентом легко перекрыл все звуки.

– Уже бегу, – отозвалась я и, подхватив на поднос салаты, поспешила в зал.

Управляющий Айрат, будучи в зале, имел дурную привычку ни на секунду не отрываться от работы. И все бы ничего, но и от подчиненных он требовал того же. Особенно по пятницам, когда вечером зал был полон гостей, кухня – чеков с заказами, мойка – грязной посуды, а рот официантов – невысказанных ругательств.

Облегченно выдохнуть я смогла лишь ближе к утру. До закрытия «Лося» оставалось пятнадцать минут, и я уже предвкушала, как сниму униформу (джинсовый фартук и клетчатую рубашку), натяну футболку, накину на плечи трикотажный кардиган и пройду по сонным городским улицам. Рассвет вызолотил сочную густую листву, поливальная машина оставила на асфальте лужи, которые к десяти часам высохнут: июль выдался жарким. Самое время для неспешной прогулки. Благо работа рядом с домом. Интересно, мама уже проснулась? А брат? Хотя брат вряд ли. У него же каникулы.

И тут в почти пустом зале нарисовался – ацетоном не выведешь! – посетитель.

Мысленно скривилась. Вспомнила, что управляющий постоянно нас поучал, что официант должен именовать всех входящих в ресторан не «посетителями» или «клиентами», а «гостями» и только так.

Мне хватило быстрого взгляда, чтобы оценить... гостя. Высокий, широкоплечий, смуглый брюнет. В дорогом костюме, с широким галстуком. Уверенный вид, цепкий взгляд. От такого мажора жди не чаевых, а неприятностей. Вслед за ним ввалился накачанный (того и

гляди лопнет) бритоголовый в спортивках и футболке. Татухи на все бицепсы-трицепсы, точно здоровяк нырнул в чан с чернилами. Нет, пожалуй, за этими двумя придут не мелкие неприятности, а матерые проблемы.

Между тем качок пружинистым шагом нагнал брюнета и похлопал его по плечу, отчего тот едва заметно поморщился.

Я тяжело вздохнула. Ну вот... А счастье было так близко. И принес же нечистый сюда эту парочку под конец смены. Пробудут теперь минимум час.

Брюнет и качок уселись за мой столик, окончательно убив любую надежду вовремя убраться домой. Лозунг «до последнего клиента» начальство исповедовало свято.

Я уже подхватила меню, готовясь к приему заказа, как сзади раздалось:

– Давай я их обслужу.

Машка?! Вот так сюрприз... Обычно ее не допросишься помочь, что вполне объяснимо: в «Лосе» Маша работала отнюдь не из-за приличной зарплаты (хотя от оной, как и от чаевых, никогда не отказывалась). Нет. Здесь она рассчитывала найти мецената для своей умопомрачительной красоты. Стройные ножки, точеная фигурка с тонкой талией и крутыми бедрами, аппетитная, почти бразильская попа, острые ноготочки-стилеты, пушистые ресницы, пухлый рот – все это требовало неусыпного внимания, безжалостных новомодных диет и... банальных денежных вливаний.

– Ну, если хочешь... – обрадовалась я.

Машка покусала губы, одернула свою мини-юбку в стиле «максимум информации при минимуме затрат», которая приклеивала мужские взгляды намертво. Расчет, видно, был такой у Машки. Чтоб намертво-намертво. Чтоб она, значит, идет вся такая красивая, а мужики за ней стаей леммингов мигрируют. Не хотят, но мигрируют за бразильской попой. Предводительница леммингов сдула со лба кокетливый пепельный локон, выпятила и без того выдающуюся во всех отношениях грудь и походкой от бедра поплыла к столику. А я потопала закрывать свою смену и выпрашивать напрокат у шеф-повара сковородку.

Нашу папа вчера умудрился сжечь вместе с картошкой, которую жарил. А сегодня у мамы был День ангела, и хотелось ее порадовать воздушными блинчиками. Вообще-то за пару улыбок и свидание некроман... – пардон! – повар испек бы мне целую гору и блинчиков, и оладий, да хоть чебуреков, но... мне хотелось самой. Лично.

Для меня это было важно. После маминой операции, после всего, через что прошла наша семья, я стала по-особенному ценить простые радости. Такие, например, как испечь блины для ма. Самой. Готовить и знать, что есть для кого.

Я уже повесила униформу в шкафчик, любовно погладила сковородку, которую клятвенно обещала вернуть повару в целостности и сохранности, как дверь с размаху бухнула о стену и в раздевалку влетела Машка.

– Меня уволят... и... и... посадят... – в ужасе бормотала она.

Подбородок затрясся, нижняя губа поехала в сторону. Из идеально накрашенных глаз хлынули слезы, оставляя некрасивые разводы на щеках. Вот тебе и водостойкая тушь...

– Маш, что случилось?

– Это ты! Это все из-за тебя! – крикнула Машка.

В голосе отчетливо звенели нотки начинающейся истерики.

– Что из-за меня? – растерялась я.

– Все-е-е-е! Твой столи-и-ик, сама бы и обслуживала-а-а, – провыла она. Икнула и вцепилась в мою руку: – Та-а-а-ань, помоги. Ты же... юрист... И тот козел – тоже юрист... Вы...

«Две гадюки и шипите на одном языке», – мысленно подхватила я. Машка шмыгнула покрасневшим носом, смахнула ладонью мутные капли с подбородка и продолжила:

– Вы смо-о-ожете... договориться. А то меня – уво-о-олят! Помогите, пока Айрат не узна-а-ал...

Она снова заревела белугой. Больше ничего внятного добиться не удалось. Я вылетела из раздевалки, помчалась к Сашке-бармену и через пару минут уже знала, что произошло. Машка, как всегда, постреляла глазами, повиляла почти бразильской попой, втиснутой в легендарную юбку. Бритоголовый весьма впечатлился. Заявил, что не прочь покататься на тачке с таким... бампером. А брюнет, на которого был рассчитан сей парадный заезд, даже внимания не обратил. Чем оскорбил Машку до глубины души. Ну, она его в отместку и обсчитала...

М-да... Водился за ней такой грех. «Обсчитать, – признавалась Машка, – хуже наркотиков: один раз попробовал, и все, подсел капитально». И уж сколько ее страшал Айрат... Правда, каждый нагоняй заканчивался одинаково – в подсобке, под интригующий аккомпанемент из женских стонов.

Вот только сегодня осечка вышла: «белый воротничок» дружил с математикой. И Машкин «обсчет», словно недельный утопленник, все равно всплыл на поверхность, как его ни придавливали камнями из списка действительно заказанного.

– Ее точно выпрут, – философски закончил Сашка. Спокойствием бармена можно было свай забивать. Причем в железобетон. – Айрату дармовым ужином не отделаться. Этот перец оказался адвокатом. Обещал иск минимум на пятьдесят тысяч.

– Пятьдесят?! – потрясенно присвистнула я.

Ну Машка... Нарвалась, идиотка. Допрыгалась. Сама влипла и нас подставила. Теперь премия, на которую все рассчитывали, помашет ручкой.

Между тем брюнет за столиком побарабанил пальцами, выражая свое недовольство. Сейчас он сидел один, бритоголовый куда-то делся.

– Где Айрат? – Я поискала взглядом управляющего.

– А его нет. Отъехал ненадолго, скоро должен быть. Сказал, ему надо на вокзале кого-то встретить с поезда... – пожал плечами Сашка.

Пока один подъедет, второй дойдет! А уж до кипения или до ручки – шариковой, которой исковое заявление пишут, – это у самого брюнета надо спрашивать. Кстати... Может, он и не адвокат, а просто решил взять на испуг? Сейчас и проверим. В конце-то концов, юрист я или кто?! Пусть неопытный, зато дипломированный.

Я метнулась в служебку. Нацепила пиджак управляющего, поправила лацканы. Велико-ват, черт! И футболка не к месту. Ладно, сойдет. Пригладила перед зеркалом волосы, натянула на лицо уверенно-непробиваемую мину. Выдохнула и поплыла в зал. Сбоку раздался звон разбившегося стекла: невозмутимый Сашка, протиравший за барной стойкой бокалы, завис, глупо открыв рот.

М-да... Значит, мой уровень наглости все же переплюнул его гору пофигизма.

– Здравствуйте, меня зовут Татьяна. Я менеджер ресторана, – представилась, без зазрения совести повысив себя в должности. Хорошо еще, бейджики у нас не предусмотрены регламентом. За Айрата я вряд ли сошла бы. Даже если б нарисовала усы. – Официантка сообщила, что возникло недоразумение?

И я дежурно улыбнулась, готовясь выслушать гневную тираду.

Но ее не последовало. Зато было столь сухое изложение фактов, что влажность воздуха в «Лосе» упала до нуля. Брюнет спокойно и уверенно жонглировал статьями кодекса, походя сфотографировал меню, бросил взгляд на камеру в углу и аккуратно положил ладонь на чек... Я поняла: этот докажет. Что угодно докажет.

Машка, Машка! Могла хотя бы полуторную порцию посчитать. Так нет же, пробила два созвучных блюда, дура! Причем обсчитала не на сто рублей – на тысячу сто. Думала, что не заметят? Дважды дура!

Меня же сейчас ставили перед фактом уголовного преступления, компенсацией в пятьдесят тысяч, судебными издержками и разбитой вдребезги репутацией ресторана. Все вместе тянуло под сотню, если не больше.

– От лица заведения приношу вам извинения за нашу сотрудницу, – ровно выговорила я, – за свой проступок она будет наказана. Но сумма, озвученная вами, явно завышена.

– Вы так считаете? – сдержанно улыбнулся брюнет.

– Наш юрист... – начала я.

Юрист в «Лосе» – существо мифическое. Все о нем слышали, но никто не видел. То ли это была дочка хозяина, то ли жена... В общем, в штате она числилась. На том все. Посему дальше пошла откровенная импровизация:

– ...Он может опротестовать претензию.

Вранье, причем наглое. Никто ничего опротестовывать не будет. Выплатят как миленькие. А потом с нас стрясут. Полгода будем сидеть без премии. Ну уж нет. Врем дальше, с огоньком! Как говорится, чем увереннее ложь, чем больше она одобрена профессиональными терминами, тем больше у нее шансов сойти за правду.

– Сумма, на которую вас обсчитали, подпадает не под уголовное, а под административное правонарушение, – отчеканила я, под скептическим взглядом брюнета едва не скрипнув зубами. Жаль, не имею хорошей привычки держать в служебном шкафчике дробовик. А ведь он очень от нервов помогает. Мысленно выдохнула, улыбнулась и пояснила: – А за оное компенсация идет в казну государства, а не потерпевшему. Так что вы получите разве что моральное удовлетворение. Ну и потраченное время. Поэтому я предлагаю компромисс: бесплатный ужин...

Мой взгляд упал на пустую бутылку «Шардоне» семилетней выдержки. Четверть зарплаты официантки... Дорогой, однако, выходит компромисс.

– ...и наши искренние извинения.

Спокойно, Таня, спокойно. Ты – вежливая девочка, очень вежливая и терпеливая...

По мне прошлись заинтересованным, чуть насмешливым взглядом.

– Когда так мило просят, отчего бы не принять?

Брюнет встал, одним пальцем пододвинул ко мне чек со словами:

– Дело не в деньгах, дело в принципе. Не нужно держать посетителей за идиотов. Мой вам совет: увольте ее.

А потом на стол легли две купюры. Ярославль и Хабаровск. Брюнет развернулся и пошел к выходу. Я проводила взглядом широкую прямую спину и, обернувшись, нос к носу столкнулась с Айратом. Никогда еще не видела у него таких круглых глаз. Похоже, мой вид в его собственном пиджаке произвел на управляющего неизгладимое впечатление.

Впрочем, когда он вновь обрел дар речи, то проорал в опустевшем зале совсем другое. Почти печатное. Запятые точно были цензурными. И междометия. И местоимения. И даже некоторые прилагательные.

Бушевал Айрат долго и со вкусом. Но когда выпустил пар, разобрался не без помощи бармена в ситуации, то даже извинился. А Машка извинялась уже перед ним. Лично.

– Вот это я понимаю: вымалывать прощение на коленях, – ухмыльнулся Саша, когда мы с ним проходили мимо двери, из-за которой вновь доносились характерные жизнеутверждающие звуки.

– Пошляк, – фыркнула я.

– Пошляк сегодня на мотоцикле и может тебя подкинуть до дома. – Карие глаза весело блеснули.

– Спасибо, я лучше пешком.

– Ну, смотри, мое дело предложить... – Он поиграл бровями.

Я рассмеялась и уверенно мотнула головой. На крыльце черного хода мы и разошлись. Сашка отправился на стоянку, а я, покачивая сковородкой, неспешно потопала вокруг здания к дороге. Завернула за угол и... тут же сайгаком отпрыгнула назад.

Усталость как рукой сняло. И все потому, что в нескольких метрах от меня стоял тот самый брUNET, а перед ним скакал лысый тип в кожанке, рыча и угрожающе размахивая ножом.

Позвать на помощь? Да адвоката зарежут, пока кто-то прибежит. И меня заодно, как слишком горластую свидетельницу. Был еще вариант – отойти назад шагов на сто и сделать вид, что меня тут вовсе не было. Пусть сами разбираются. Шикарный вариант, и очень здравый. Машка так бы и поступила. Но я, увы, не Машка. Меня ж потом совесть насмерть загрызет.

Я резво вылетела из-за угла. Сковородка – тяжелая, с толстым дном, антипригарным покрытием и удобной ручкой – оказалась отличным орудием нападения. Звонкое «дзинь», словно поварешка со всей дури впечаталась в бок пустой кастрюли, разнеслось окрест. Звякнул выпавший из мощной лапищи нож. А потом бритоголовый начал падать. На меня.

Отскочить я не успела. Так и свалилась на асфальт, сжимая в руке сковородку. Сверху рухнула здоровенная туша в кожанке. Придавило, словно надгробной плитой.

– Вы?! – было первое, что я услышала, когда в ушах перестало звенеть.

– Спасла вам жизнь, – пропыхтела я, пытаясь столкнуть с себя неподъемное тело.

Ага, сейчас! Удалось только высунуть нос из-за бритого затылка. Едва я втянула в себя драгоценный воздух, как увидела нависшую над собой брUNETистую тучу, которая готова была метать громы и молнии.

– Вы оглушили моего постоянного клиента! – голос был не теплее сжиженного азота.

Клиента? Упс-с... Неудобно получилось. Во всех смыслах неудобно...

Одного обсчитали, второго побили. Надолго оба запомнят трапезу в «Лосе». Вон у брUNETа уже глаз дергается. А я что? Я ничего. Лежу смиренно, ощущаю тяжесть своего проступка. Всем телом ощущаю. Кажется, даже асфальт прогнулся. Ну и туша! Нет, это не надгробная плита. Это стальной сейф, фаршированный слоном!

Говорят, что сила земного притяжения чувствуется острее, когда поднимаешься по карьерной лестнице. Врут! Жизнь легко может расплющить тебя и без попыток подняться куда-то. Покарает всей строгостью за одни лишь благие намерения. Еще немного, и меня можно будет просто свернуть рулончиком. Как коврик.

– Не оглушила! – возразила я.

Исключительно из юридического инстинкта самосохранения возразила. Попробуй с таким ушлым типом только согласиться – не успеешь и глазом моргнуть, как станешь не только нечаянно стукнувшей бандита девушкой, но и соучастницей трех ограблений, двух махинаций с офшорами и одного надругательства над животными. Спасибо, не надо. Сейчас лучше вообще все отрицать. А потом, когда мозг получит доступ к кислороду и перед глазами перестанут летать темные мошки, вот тогда можно будет хорошенько подумать и что-то признать.

– Не оглушила, – повторила я. – Всего лишь слишком быстро и близко познакомилась. А он взял и уложил меня на обе лопатки, вот я и решила сопротивляться...

А что? Не соврала ровным счетом ничего. Правда, слегка поменяла события местами. БрUNET с сомнением уставился на меня. Он не произнес ни звука, но во взгляде явно читалось: познакомься Достоевский со мной, и своего «Идиота» он написал бы гораздо быстрее.

Я дрыгнулась, вновь попытавшись освободиться из ловушки, которую себе собственно-ручно организовала. БрUNET злорадно понаблюдал за мной, склонился к лысому и протянул руку. Видно, хотел нащупать в складках его шеи пульс. Похоже, нащупал – или... наоборот? – и достал из кармана телефон.

Пока он набирал номер, шевельнулся третий участник нашей беседы. С протяжным:

– Ё-о-о-опт, башка трещит... – он вернулся в реальный мир.

И завозился, гад, явно устраиваясь поудобнее.

– А-а-а! – заорала я, чувствуя, как сплющиваются кости.

Лысый дернулся, словно его иголкой ткнули, и рывком скатился с меня. Свободный вдох был упоителен. И плевать, что пыль асфальта в нескольких сантиметрах от носа. Тут главное не соотношение кислорода и сора, а сама возможность его оценить.

– Какого... – пробормотал лысый, садясь на землю и одной рукой ощупывая затылок.

Хотя безо всяких ощупываний понятно, что шишка будет ну о-о-очень внушительной. Я быстро отлепилась от асфальта и тоже села, крепче ухватив сковородку. На всякий случай.

– Сколько пальцев видишь, – опустившись перед лысым на корточки, поинтересовался брюнет и выставил мизинец и указательный на манер козы.

– Брось, Фил, все нормально, – выдохнул тот. Услышав «Фил», брюнет слегка поморщился, но ничего не сказал. – И даже башка не кружится, только слегка гудит. Что со мной случилось?

Я поискала глазами нож. Тот лежал успокаивающе далеко от загребущих лап лысого.

– Простите, с вами случилась я...

Чем быстрее извинюсь и отползу на безопасное расстояние, тем лучше для моего здоровья. К тому же чистосердечное раскаяние обеляет злодеяния, превращая их из черных в серые.

– Я нечаянно на вас напала и завали... В смысле, уронила... – выпалила я и, увидев, как расширяются глаза лысого, добавила: – Думала, вы его... – я обличающе ткнула пальцем в поднимающегося на ноги брюнета, – ...хотите зарезать. Вот я и...

– Спасала? Его? От меня?!

Лысый заржал. От души. Громко, с чувством. Так, что Джигурда обзавидовался бы. Вот честно, если бы лысый издавал эдакие звуки под стенами роддома, то родили бы не только беременные, но и вся акушерская бригада. Даже если бы состояла целиком из мужиков!

Я медленно отползала вместе со сковородкой. Главное – добраться до бордюра, пока тут всем не до меня. А там как задам стрекача! Не успела. Лысый захлопнул рот и весело посмотрел на меня. Я застыла на месте, словно и не пыталась совершить побег.

– Ну ты, чика, даешь! Да это тому несчастному, кто тронет Фила, надо срочно будет себе гроб заказывать.

– Вы... – я замялась, тщательно подбирая слова. – Так эмоционально... разговаривали, что я и подумала...

– Ага, подумала, – проворчал лысый и машинально потер наливающуюся шишку. – Ты сначала сделала, а потом уже подумала.

Я мысленно прикинула, какой статьей на сей раз меня порадует брюнет. Он ведь наверняка еще от Машкиного обсчета не отошел. А тут я, такая вся героическая, как супермен. Со сковородкой.

– Вы ножом размахивали! – упрямо заявила я, отбросив этические приседания и намеки. Какие уж тут намеки, когда срочно нужно перенести нападение в разряд «почти самообороны». – И угрожающе напрыгивали!

– Да я показывал, как меня год назад одни отморозки хотели расписать...

– Со спины это было тяжело понять! – отрезала я.

Рука сама собой сжала ручку сковороды. Лысый насмешливо пошевелил бровями и повернулся к брюнету:

– Фил, смотри, как тебя бабы любят. Даже незнакомые. Вон. Эта как эта на защиту ринулась. Цени.

– Я уже оценил. На шесть тысяч, – тот тут же припомнил наш диалог в «Лосе».

– Эй, ты чего? – возмутился лысый. – Ну погорячилась девка чуток. Так от чистого же сердца. Тебя спасти хотела. А ты ей уже и статью примерил, и штраф посчитал!

Да он, оказывается, нормальный человек! Почти святой, хотя и выглядит как бандит. Верно сказано: не суди товар по логотипу. Но следующие слова лысого слегка притушили сияние нимба над его пострадавшей головой.

– А ты ничего, симпатная, – подмигнул он, пройдясь по мне оценивающим взглядом. – И отчаянная. Я таких люблю...

– Все-таки она отбила тебе мозги, – печально вздохнул брюнет.

Лысый сомневалась, что там вообще было что отбивать. И следующей своей фразой лысый лишь укрепил меня в этом предположении:

– Для любви они и не нужны. Нужно лишь сердце... Ну и чтобы пониже него кое-что еще работало. А у меня и с тем, и с другим полный порядок, – он радостно захохотал над собственной «шуткой». – Так что, Фил, сегодня вечером я буду занят. У меня свидание намечается...

Сви... что?! Я нервно сглотнула. Похоже, лысому для любви не только мозги не нужны, но и мое согласие на встречу, которую он явно планирует провести в горизонтальной плоскости. О последнем красноречиво говорил взгляд, которым меня не только раздели, но и просквозили всю так, что была вероятность подхватить насморк.

– Во сколько и куда мне заехать?

Я бы с удовольствием заехала сама. По лысой голове. Сковородой. Еще раз. И дала деру. Но увы... Имелся брюнетистый свидетель адвокатской наружности, который знал, где меня найти. Мысль оглушить сразу двоих, присовокупив к шишкам еще и амнезию, была столь же соблазнительной, сколь и трудновыполнимой.

Идея, пришедшая в голову, была гениальной до банальности.

– В травматологию! – ликующе объявила я. – Часа через три. Как раз оставите мне на гипсе номер телефона...

И, вспомнив, что мне должно быть больно, для верности схватила за колено. А что? Под узкой джинсовой штаниной не видно, насколько оно пострадало.

Лысый приуныл. Его явно не вдохновляло свидание с девушкой, у которой перелом. Ну хорошо, не перелом, но вывих или растяжение я в состоянии сыграть. А там, глядишь, через пару дней этот на голову ушибленный новую «любовь» найдет. И меня забудет без желания административной мести. А та обязательно последует, если решительно отказать. Обиженный мужчина может пойти на любую подлость. Даже юристов натравить. А один такой вон стоит уже, возвышается в своих отутюженных штанах и начищенных ботинках.

Лысый поднялся с асфальта, предложил меня подвезти. Настырный. Я уже было приготовила приличную порцию лапши, дабы развесить ее на две пары ушей, но тут из-за поворота появился Айрат. И не один. А под ручку с довольной, как сытая кошка, Машкой. О не-е-ет... Вот только их тут и не хватало. Какого черта эту сладкую парочку вообще сюда принесло?! Стоянка в другой стороне! Стиснув зубы, я совершенно искренне застонала.

Мгновенно срисовав цепким взглядом меня на асфальте, двух типов, а главное – сковородку с ресторанной кухни, управляющий напрягся. Стоит уточнить, что в жилах моего начальства текла горячая и сильно восточная кровь. Про таких говорят: им только винтовку в руки дай, а глаз уже прищурен.

С рыком: «Что здесь происходит?» – Айрат вошел в наше мирное трио словно раскаленный паяльник в масло. И как Машка ни старалась изобразить одновременно якорь, гирию и тазик с цементом, дабы удержать его на месте, ей это не удалось.

К моему удивлению, ни лысый, ни адвокат ни словом не обмолвились о моем феерическом шоу со сковородкой.

– Девушка, кажется, повредила колено, – задумчиво произнес брюнет.

– Это я на нее упал, – покаялся лысый.

Айрат поперхнулся и тут же развернулся ко мне:

– Таня... Ты... Ты хоть ходить сможешь?

Если бы я не знала столь хорошо этого потомка Чингисхана, то непременно бы растрогалась. Но им двигало не человеколюбие, а предчувствие глобального геморроя: в случае моего больничного придется перестраивать весь график смен.

На меня смотрели четыре пары глаз: три – выжидательно, одна – со смутным подозрением. Я протяжно вздохнула, лихорадочно соображая, что делать. Конечно, следовало бы успокоить начальство, но... Еще минуту назад я изображала едва ли не потерю ноги, чтобы отмазаться от свидания и штрафов. А теперь заверять, что все отлично и замечательно? Как-то э-э-э... слегка не с руки.

Ладно. Если не можешь остановить комедию абсурда – стань ее режиссёром! Я снова вздохнула, придала своему лицу самое печальное выражение и, пока лысый не успел опять сунуться со своим предложением, выпалила:

– Айрат, ты ведь на машине. Довези меня до травматологии...

Спасение рабочего графика – это святое. Управляющий тут же согласился. Причем так быстро, что лысый не успел среагировать, а я уже была поднята с асфальта, подхвачена на руки и даже оттранспортирована метра на два. Потом меня подкинули словно мешок с картошкой, перехватив поудобнее, и в абсолютном молчании потащили дальше. Айрат пыхтел, потел, но пер в сторону стоянки, где под камерой пасса на выгуле его дастер.

Ха! Теперь я с полным основанием могла сказать, что начальство меня носит на руках! Только б не уронило, а то и впрямь сломаю себе чего-нибудь. Машка, подорвавшись с места, нагнала нас. Сопение удвоилось: к натужному прибавилось недовольное. Плевать! Главное, управляющий, как настоящий медбрат, вынес меня с поля бо... – пардон! – из эпицентра любовно-правового конфликта. За что я была ему искренне благодарна. Ровно до того момента, пока он, плюхнув меня на сиденье дастера, не начал допрос по поводу сковороды, дно которой после столкновения с головой одного лысого стало подозрительно выпуклым. Я каялась и уверяла, что выкуплю испорченный инвентарь.

У больницы покататься на начальстве не удалось. Едва Айрат вынул меня из машины, Машка подскочила и решительно перекинула мою руку через свое плечо. Управляющий – через свое, и они поволокли меня, подпирая с двух сторон. Машка еще и за талию обняла, мстительно тыкая острыми коготками. Точно на следующей смене раскатает меня в тонкий лист. Пришлось прыгать на одной ноге, как раненому бойцу.

Сгрузив меня на стул перед дверью кабинета, оба с облегчением выдохнули. Управляющий требовал с меня клятвенное обещание, что, как только станет известен результат, я тут же ему напишу. И влюбленные отбыли. Выждав минут пятнадцать, я вскочила и на глазах у изумленной очереди бодро порысила обеими ногами к выходу.

Притормозив на крыльце, огляделась на всякий случай. Ни Айрата, ни его машины, конечно же, не было. Да уж, завезли так завезли. До дома теперь доберусь не раньше, чем через час. Зевота, как и усталость, напали без предупреждения и враз. Спать хотелось зверски. А впереди, до начала новой смены, меня ждало еще два собеседования...

Первые маршрутки появятся через час. Нет, и сейчас их можно было увидеть. Но пока водители не вышли в рейс, а спешили на заправку. Залить в урчащее нутро машин топливо, а в себя – дешевый кофе, не столько пробуждающий, сколько заражающий желанием убивать.

Метро откроется минут через тридцать. Но делать на нем крюк с пересадками – то еще удовольствие. При мысли о том, чтобы шикануть на такси, тут же начинала душиТЬ жаба. Уж лучше подышать воздухом.

Я зажмурилась от брызнувшего в глаза солнца и еще раз огляделась. Никого не выискивая. Просто так.

Летнее утро. Россыпь бриллиантов на газоне, деревья парка вдалеке – словно в молочной дымке. Скоро проснется бурный шумящий автомобильный поток, ветер потревожит марево легкого тумана. Наступит долгий и непростой день, в который ворвутся звуки и запахи. А воздух станет тяжелым, густым от ароматов духов, шаурмы, выхлопов. Все это будет совсем скоро.

Но пока – миг тишины. Я вдохнула его полной грудью. Переступила кроссовками. Под подошвой зашуршали мелкие камушки. Легко, перепрыгивая через ступеньки, спустилась с крыльца. И пошла.

А через минут двадцать за спиной услышала весёлую трамвайную трель. Ну мы и помчались наперегонки. До остановки было всего ничего. Я успела. И даже домой ввалилась почти вовремя. Но мама уже не спала. Она вышла в коридор, когда я осторожно стягивала с ног кроссовки.

– С Днем ангела, ма!

Она улыбнулась. И мне показалось, что в полутьме прихожей взошло солнце. Сглотнув комок в горле, я босыми ногами прошлепала в ванную. Мама привалилась к косяку, наблюдая, как я плещусь, склонившись над раковиной.

– Ты чего так рано встала? – проворчала я.

– Решила приготовить тебе завтрак...

Ну вот. И кто кому сюрприз хотел сделать, а?

– ...шарлотку испекла. Еще теплая. Давай быстрее, пока не остыла.

Остыть шарлотка не успела. Наверное. На столе обнаружилась пустая тарелка с крошками, несколько размазанных по скатерти ошметков... И два пушистых белых шарика, которые весело махали хвостами-метелками. Шерсть, собранная резинками на макушках болонок, напоминала пальмочки, которые азартно тряслись. Собаки явно были довольны.

– Ах вы... – в сердцах воскликнула ма.

Хулиганки затявкали, гордо соглашаясь: «Да, мы!»

– И куда в вас только влезло?

«Влезло, влезло!» – радостно запрыгали Чупа и Копа. Черные сливины их глаз задорно блестели, собачье счастье лилось через край. А то, что большая часть шарлотки обнаружилась под столом... Так то мы же с мамой не сразу узнали, посему эффекта от удивления это не испортило.

Вообще-то, двух этих бестий звали Чупакабра и Конопля. Спонсором дивных кличек являлся мой младший брат-балбес. Каким-то мистическим образом в свое время ему удалось убедить всю семью, что это лучшие имена для двух жизнерадостных болонок. Но с учетом того, что сначала он предложил назвать их Мор и Голод, завести еще двух и собрать четверку всадников Апокалипсиса, Чупакабра и Конопля были все же предпочтительнее. Хорошо еще, что среди наших соседей не имелось сотрудников наркоконтроля. А то крики: «Куда делась конопля? Не могу найти!» – звучат весьма интригующе.

– Животы заболят – лечить не буду! – пригрозила мама, выкидывая остатки шарлотки в мусорное ведро.

Я сгребла обеих хулиганок в охапку. Розовые язычки замелькали, облизывая все, до чего могли дотянуться.

– Фу, Копа! Фу, Чупа! – уворачивалась я.

«Вовсе не фу!» – звонко твякнула Чупа. «Не фу, не фу!» – поддержала Копа.

Эта перебранка разбудила и папу, и брата. Так что блины я пекла уже не таясь. Семья. Шумная и шепотная, разноголосая. Моя. Отец всю жизнь проработал простым электриком. Мама – врачом. Брат-оболтус окончил десятый класс. Два вечера в неделю он честно разносил газеты, распихивая их в почтовые ящики. А потом гордо хвастался, что уже сам зарабатывает. Другого выхода у Жеки и не было: наша семья жила не то чтобы бедно... Но деньгами не разбрасывались. И когда я четыре года назад поступила на бюджетное в весьма престижный вуз, то считала это большой удачей. А спустя пару месяцев – и вовсе чудом. Потому как вместе со мной на потоке училась Лариса Мальская – дочь весьма богатого бизнесмена. Девушкой она была красивой, но глупенькой. Как едко заметил староста ее группы (тот еще зануда и стукач), айкью Мальской был около ста двадцати. Только перед единицей еще стоял знак минус.

Лариса на подобные выпады не обращала внимания, учебой не заморачивалась, строила сообщения в мессенджерах и отрывалась в клубах. И спустя те самые пару месяцев ее отцу стало ясно, что первую сессию его любимая и единственная дочурка может и завалить, несмотря на блат. В университете не все преподаватели продавались. Господин Мальский слегка занервничал. Но он был мужиком умным и... экономным. И посчитал, что если нельзя купить преподавателей, то нужно купить одну студентку. Меня.

К тому времени у мамы уже обнаружили онкологию. И я согласилась на весьма щедрое предложение. Четыре года я решала за Ларису все контрольные, писала рефераты, курсовые, сдавала отчеты по практике. Свои же... как успеется. Мои сокурсники в это время обзаводились связями, старались закрепиться на месте практики. А у меня при выпуске не оказалось приличных рекомендаций, и диплом свой я написала за пару дней до защиты... Но у всего своя цена. Зато господин Мальский оплатил и мамино лечение, и реабилитацию.

Лариса получила свой диплом бакалавра и сразу с университетского порога шагнула в фирму отца юристом. Мне же предстояло самой найти работу по специальности. И я была согласна на любую. Неважно кем. Секретарем на судебных заседаниях, проходящих на окраине города, у Мурки под хвостом, за минималку – отлично! Младшим подаваном у практикующего адвоката в конторе, на проезд до которой будет уходить ползарплаты, – еще лучше! Разбирать в юротделе фирмы жалобы склочных клиентов, которых под вечер хочется убивать с особой жестокостью, – да, да и еще раз да! Чтобы получить пару лет практики, будешь рад и не такому. Особенно если диплом отнюдь не красный, рекомендаций и связей нет, а за душой – лишь знание теории и фотографическая память.

К десяти утра я уже успела позавтракать, поспать пару часов и принять душ. Еще бы выпить пол-литра крепкого кофе... Но, глянув на часы, поняла, что не успеваю.

Черт!

Когда я уже пританцовывала в одной туфле у порога, в прихожей возник Жека, отогнал радостно скачущих болонок и протянул мне банку с энергетиком.

– Держи!

Я одернула пиджак с блузой, проверила юбку-карандаш. Качнулась на устойчивых каблуках. Поправила выбившуюся из тугого пучка прядь. Все, порядок. Можно выходить.

Город уже был душным. Он гудел от встреч, машин, раскалённых улиц, звонков. Казалось, даже само время плавилось под этим солнцем. Зной вгрызался в мой пиджак, в темную юбку до колена. Блузка тут же прилипла к спине, энергетик кончился, и ужасно хотелось пить.

Я выскочила из маршрутки и направилась к высоченному зданию, вход которого скалился приоткрытыми прозрачными дверями. Миновал ресепшен, поспешила к лифту. Тренькнул звонок, створки разъехались, я шагнула внутрь и нажала на нужную кнопку.

В этот момент в холле появился белобрый тип в пиджаке. Увидев, что лифт закрывается, он на долю секунды замер, потом подпрыгнул и... понесся к моему лифту, как тевтонец на штурм Акры. Даже не думая тормозить, тип изогнулся, непостижимым образом пролетел в щель между смыкающимися створками и, едва не сбив меня с ног, со всей дури впечатался в противоположную стеклянную стену. Что, таранное бревно дома забыл? Или головой сподручнее?! Хорошо хоть, стекло выдержало.

– Впечатляюще, – оценила я, на всякий случай отодвигаясь подальше. Черт его знает, этого сумасшедшего. Может, сейчас по кабине метаться начнет. – И логично. Последний же лифт, и другого сегодня не будет.

Тевтонец отлип от стены, оставив на ней исчезающий отпечаток, поправил галстук. Фирменным движением Баскова откинул шевелюру и пробежался по мне заинтересованным взглядом.

– На собеседование? – широко улыбнулся он, заметив пропуск и файл с бумагами, которые я держала в руке. Чуть повернул голову набок, чтобы было удобнее читать, и полувопросительно произнес: – Татьяна Серебрянская?

Глазастый! Наверняка в школе списывал. Чувствуется практика.

– Да, – машинально ответила я, скручивая документы в рулон.

Расстегнула висевшую на плече сумочку и сунула его туда. Рулон упруго развернулся, напрочь заблокировав молнию. Ладно. И так сойдет. Все равно красть у меня нечего.

Того, что последовало дальше, я точно не ожидала.

Со словами: «Тогда я подарю вам немного удачи» – тевтонец шагнул ко мне, зажал в угол и наклонился, недвусмысленно вытянув губы трубочкой. Моя нога рефлекторно согнулась в колене, а потом замечательно устойчивый каблук впечатался в начищенный ботинок. Рука же взметнулась и наотмашь хлестнула по лицу. Звонкий шлепок раздался одновременно со звуком «дзинь», оповещавшим, что мы добрались до нужного этажа.

– Я только поцеловать на удачу хотел, – обиженно прогнусавил недобитый крестonosец, держась за нос.

Да-да, сейчас расплачусь от жалости! Кстати, не за то ухватился: по губам получил, нос я даже не задела! Наверное... Впрочем, поделом. Впредь научится себя вести. А то, похоже, решил, что раз у нас страна непуганых судебными исками за домогательства, то флиртовать можно вот так сразу, с разгону, минуя стадии знакомства и переходя к самому приятному.

– Ну, считайте, что я тоже пожелала вам удачи, – отрезала я, выходя из лифта. – Не бывает хорошей свадьбы без драки, а хорошего поцелуя – без плюхи!

Створки за мной с легким шипеньем сомкнулись, и из-за них донеслось:

– Татьяна, мы еще увидимся...

Увидимся?! Он головой повредился, что ли, когда стену таранил? Кстати... Я уставилась на табло. Кнопки мигали одна за другой, и, судя по ним, лифт ехал вниз. Без остановок. Странно. И что это было, а? Ворвался в лифт, едва не разнеся его к чертям, поднялся до моего этажа и... вновь спускается на первый? Нет, он не тевтонец. Он псих.

Я одернула пиджак, поправила волосы и пошла по коридору. Перед кабинетом отдела кадров, как стая птиц на проводах, сидела целая очередь соискателей. Были среди кандидатов в младшие помощники в юротдел нефтяной компании не только вчерашние выпускники, но и солидные джентльмены. При пиджаках, явно не китайских наручных часах, легкой седине и профессиональном нервном тике. Эти-то что здесь забыли?

Я пришла за полчаса до назначенного времени, ровно столько и просидела на неудобном стуле. Каждые десять минут дверь кабинета распахивалась, выплевывая очередного пережеванного соискателя. Потом выглядывала строгая дама и называла фамилию следующей жертвы. Наконец мимо протопал взъерошенный парень, и по коридору разнеслось:

– Татьяна Александровна Серебрянская!

Своей звонкой фамилии я не соответствовала ни разу. Темные кудрявые волосы, обычный нос, зеленые глаза, которые за стеклами очков казались серыми. Вообще-то, минус у меня был небольшой, и я вполне могла бы обойтись без очков. Если бы не привычка прищуриваться, из-за которой выглядела высокомерной и заносчивой. Посему на работе я предпочитала линзы, а вот на учебу и на собеседования надевала очки. Они добавляли солидности одной тощей кучерявой пигалице.

Я встала, поправила ремешок сумки и шагнула в заветный кабинет, сжимая в руках папку с документами. Жиденькую такую, но все же. Кейсы, диплом вуза и три экземпляра резюме. Первое – работодателю, второе – мне и последнее про запас: у меня было еще одно собеседование.

За столом у окна развалился тучный мужчина. Солнце пекло в спинку его кресла, и он явно страдал от жары: лоб, плавно переходящий в обширную лысину, блестел от пота. Хотя в кабинете работал кондиционер.

Дама скромно присела за стол у стены и споро застучала по клавиатуре, уйдя в работу. Мужчина взял со стола очки в массивной роговой оправе, откинув сложенную дужку и водрузив их на нос, прочел с листка:

– Татьяна Александровна?

– Да.

– Присаживайтесь. – Пухлая рука махнула на стул, что стоял напротив стола. – Я Иосиф Моисеевич. Ну-с, а теперь расскажите о себе.

А что, собственно, рассказывать? И биография, и анкетные данные были указаны в резюме, один экземпляр которого я протянула Иосифу Моисеевичу. Я начала их озвучивать, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и спокойно.

– Достаточно! – недовольно перебил он, промокая клетчатый платком свой лоб от переносицы до затылка. – Я умею читать...

Надо же. Никогда б не подумала.

– Чем вы уникальны? Каковы ваши достижения? Что можете предложить нашей компании?

Так и хотелось ляпнуть: коллекцию магнитов от «Растишки». Правда, есть еще собрание игрушек из «Пятерочки», но там трех куриц не хватает. А если серьезно... Ну вот какие у меня, вчерашней выпускницы, могут быть достижения на юридическом поприще? Да, я помогала составлять заявления и претензии. Нет, я не помнила наизусть законы. Зато знала, где и что искать. Да, я умела не только читать, но и понимать, толковать статьи кодекса. Так это каждому юристу по силам.

Я выдохнула и отчеканила:

– Я молода, энергична. У меня отличная память...

Черт! Словно торговка на рынке, которая нахваливает свой товар!

– ...Внимательна, коммуникабельна...

– Это все хорошо... – снова перебил Иосиф Моисеевич таким тоном, что я поняла: мне не перезвонят. – Но нашей компании на данную должность нужны зарекомендовавшие себя профессионалы.

Как же, как же. Ужасно престижная должность – младший помощник юриста. А если учесть то недоразумение, что стыдливо жметя в графе «оклад», то и вовсе сладкий кусочек. Удивляюсь, как еще знаменитые юристы не подрались в коридоре, пытаясь ее отхватить? Иногда мне кажется, что звездная болезнь поражает не только деятелей шоу-бизнеса, но и многих работодателей! Им, видите ли, нужны «зарекомендовавшие себя профессионалы». Тьфу!

Так за профессионализм надо и платить соответственно. Не хочешь платить – бери выпускника, готового пахать за опыт, и не выеживайся! А, ну их. Что-то мне не хочется здесь работать. Даже за рекомендации и тот самый опыт.

Между тем Иосиф Моисеевич уже злорадно открыл рот, чтобы окончательно меня огорчить.

– Простите, – быстро сказала я и мило улыбнулась. – Боюсь, вы мне не подходите. Спасибо за собеседование.

Глупость, недопустимое ребячество, но кабинет я покинула с легким сердцем.

Выходя из лифта в холле первого этажа, я опять увидела белобрысого тевтонца. Только на этот раз он не несся сломя голову, а медленно двигался, зажатый с боков двумя охранниками. Вид у секьюрити был торжественно-печальный, тевтонец же скалился, как дурак на поминках. Вся троица слитно свернула за угол и двинулась вглубь коридора. Что, доцеловался, маньяк? Сцапали?

Я вышла на улицу, отдернула манжету. На часах было время побоища. Ледового. А если точнее, 12:42. До следующего собеседования оставалось чуть больше часа.

Глава 2

*Переходя дорогу на красный,
можно трудоустроить
бригаду врачей скорой помощи
и пару адвокатов.*

Феликс Каменев

Второе собеседование должно было состояться в фирме «Гринев и партнеры» на окраине города. Времени оставалось в обрез, и я зашагала к метро, на ходу доставая распечатанный листок со схемой проезда. Вот чем-то она мне напоминала маршрут пьяного верблюда.

Уже в вагоне еще раз глянула на требования к соискателю. Читать их я уже насобачилась. Например, ту же «многозадачность» стоило трактовать как «денег нет, сотрудников нет, у нас бедлам, будешь пахать за четверых». «Стрессоустойчивость» – твоей психике хана, но молока не дадим, валерьянки тоже, зато в качестве премии подкинем дедлайны и форс-мажоры. «Умение четко и быстро выполнять задания» – прошлый дурак с синдромом отличника, на которого мы повесили всю текучку, сдох, зараза.

В общем, требований до фига, зарплата – «чтобы выжить, но не факт». Но я была согласна и на такое. Главное – два заветных года практики. Ибо без них мои дела будут как при неудачной апелляции – без изменения и без удовлетворения. А всю жизнь официанткой не проработаешь. Это сейчас я резво скачу по залу. А к тридцати захочется и присесть. Желательно не голым задом на икеевскую табуретку. И если не в уютное теплое креслице, то на приличный офисный стул.

Через час я вышла на конечной станции, прошагала пару кварталов под палящим солнцем и, наконец, добралась до... фирмы. Ошибки быть не могло. Щербатая асфальтовая дорожка, зажатая с двух сторон лысыми газонами, утыкалась в крыльцо крохотной пристройки к жилому дому. Сбоку от входа, над заплыванной урной, гордо – словно брильянт в навозе – сияла вывеска: «Гринев и партнеры». Апофигей... Но вдруг внутри все иначе?

Не «вдруг». Внутри обнаружились потертый линолеум, чахлый фикус в кадке и наскоро замазанная протечка на потолке. Контора доверия не внушала. Самым презентабельным в ней были таблички – та, что у входа, и вторая (чуть поменьше, зато золотая) на одной из дверей: «Генеральный директор Александр Иванович Гринев». Судя по тому, что директорствовал господин Гринев над четырьмя кабинетами, то ни о каком карьерном росте от младшего юриста до руководителя направления (и тем паче до партнера) здесь и слыхом не слыхивали. Наверняка контора бралась за все подряд, начиная от уголовных дел и кончая оформлением ИП.

Соискателей было только двое: я и худющий сутулый парень в клетчатой рубашке – ну точь-в-точь вечно голодный аспирант, всегда готовый откусить от чужого бутерброда. Одной рукой «аспирант» крепко сжимал свернутые трубочкой документы, вторая же его длань хаотично дергалась. То поправляла съезжающие с переносицы очки с квадратными толстыми стеклами и перемотанной скотчем дужкой, то теребила ворот, то нервно приглаживала шевелюру, которая от этих усилий выглядела так, будто ее лизнула корова.

– Станислав Шопин? – Из-за двери с претенциозной табличкой выглянул сам основатель фирмы.

Господин Гринев был весьма импозантен, хотя и слегка потрепан годами.

– Д-да, – отозвался мой конкурент и проворно шмыгнул в кабинет.

А я приготовилась ждать. Долго и обстоятельно. Раз кандидатов немного, то и собеседование будут проводить тщательнее. Но спустя каких-то три минуты дверь с размаху стукнула о стену и поехала обратно, а в коридор выскочил аспирант, комкая в руках бумагу. С чувством

процедил: «Сволочь!» – и понесся к выходу, гн глядя отшвырнув измятый листок. Тот полетел прямо в меня. Машинально его поймав, я поискала глазами урну. Но, увы, ничего похожего в конторе не наблюдалось.

– Татьяна Серебрянская? – между тем осведомился «сволочь» Гринев, появляясь на пороге.

Я быстро запихнула в сумочку презент от своего предшественника и прошла в кабинет. Потенциальный начальник уселся за стол.

– Итак, Танечка, позвольте взглянуть на ваши документы...

Танечка?! Однако... Обычно так шустро от отчества к панибратству переходят профессиональные кобели. Я протянула свое резюме. Гринев положил его перед собой, даже не посмотрев.

– Присаживайтесь, – радушно улыбнулся он и показал рукой на кресло, стоявшее достаточно далеко от стола.

Я пристроилась на самый краешек, не удержалась и... И съехала в предательски мягкое кресельное нутро. Коленки оказались чуть ли не возле подбородка, только и оставалось, что независимо выпрямиться и сделать вид, что так и было задумано. Гринев заинтересованно следил за моей возней и, дождавшись ее завершения, задал пару очевидных вопросов: что оканчивала, где стажировалась. Потом все же опустил взгляд на резюме, словно сверяя мое фото с оригиналом, и произнес:

– У вас в личных качествах указано, что имеется опыт работы в стрессовых ситуациях, устойчивость к форс-мажорам, навыки выхода из критического положения. Я хотел бы знать, в какой области?

«В любой. Хоть в Московской, хоть в Липецкой, хоть в Республике Марий Эл. Везде стрессо- и мажороустойчива. Куда ни командируй», – так и крутилось на языке. Вот только ехидничать буду, когда место получу. А пока рано.

– Ресторанного бизнеса, – отчеканила я, припомнив последний э-э-э... форс-мажор, закончившийся большой вмятиной на сковородке.

– Вообще-то я имел в виду область права, – хмыкнул Гринев. – А как у вас обстоят дела с алкоголем?

Слишком простой вопрос, чтобы не иметь второго дна. Что-то вроде проверки? Юрист должен быть категоричен, но в то же время лоялен?

– Пью, – осторожно ответила я. – Но с отвращением. И редко.

– Отлично, – просиял Гринев. – Танечка, вы мне нравитесь.

А кто-то мне не очень. Особенно чей-то совсем не формальный взгляд, задержавшийся на моих коленках. Из-за дурацкого кресла их больше не прикрывал слегка задравшийся подол юбки. Но этому взгляду быстро нашлось обоснование.

– В нашей фирме придерживаются дресс-кода, – важно сказал этот главнюк, посмотрев наконец мне в лицо. – Но в летнее время я даю своим сотрудницам послабление. Вы можете приходиться в более хм... легкой одежде. А не в строгой юбке и закрытом пиджаке. Конечно, в том случае, если я одобряю вашу кандидатуру.

Но чем дольше шло собеседование, тем более странно я себя чувствовала. Внешне все было прилично, не подкопаешься. Никаких, боже упаси, намеков или двусмысленностей. Но почему-то создалось впечатление, что на вопрос о личных достижениях Гринев ждал ответа про грудь третьего размера...

Проговорив со мной больше получаса, он изволил меня отпустить, пообещав перезвонить завтра. Лично.

Из кабинета я почти выпала. В коридоре стоял еще один соискатель. Судя по всему, мой ровесник. Его бородака напоминала мне о Диме Билане, хотя весь остальной вид говорил, что этот парень Билана терпеть не может. Взгляд выхватил пиджак с иголки, остроносые ботинки

и настолько мажористое выражение лица, что становилось ясно: в университете этот красавчик знаком с половиной студенток. И уже не помнит, с кем спал, а с кем только собирался. Увидев раскрасневшуюся меня, он понимающе усмехнулся и бросил взгляд за мое плечо.

Я обернулась и едва не взвизгнула от неожиданности, обнаружив за спиной бесшумно подкравшегося господина Гринева. Вид у него был как... Как у старого петуха, который внезапно застучал молодого, горластого, с гладкими перьями и крепким гребнем в своем курятнике.

Я еще раз попрощалась – на всякий случай! – и ретировалась на улицу. Уже там взглянула на часы и задумчиво переступила с ноги на ногу. Домой я, увы, не успевала. Что ж, придется ехать прямо на работу. Работа... Черт! Я же Айрату не позвонила! Телефон, извлеченный из сумки, обиженно показал значок беззвучного режима и семь пропущенных вызовов от начальства.

Начальство мстительно сняло трубку с третьего раза. Из сухой беседы я выяснила, что сегодня мне работать не нужно. Завтра, впрочем, тоже. Не дождавшись от меня ответа, Айрат перестроил график, а Машка, судя по всему, его мнение обо мне.

– Хорошо. Тогда завтра загляну за расчётом.

– Какой еще расчет, слушай?! – сердитый вопль ввинтился в ухо. – Это я с тебя должен требовать за убытки!

Да-да, помним, помним: управляющий «Люся» – как ветер переменчивый: то борзеет, то застенчивый.

– Обыкновенный расчет, согласно трудовому договору, – любезно пояснила я. – Ну так что, я завтра приду?

Ответом мне были гудки в динамике.

Рядом хлопнула дверь. На крыльце нарисовался тот самый мажор. Скривился. Нацепил солнцезащитные очки и с независимым видом двинулся прочь. И у этого собеседование прошло подозрительно быстро. Итак, уже двое вылетели моментально, меня же собеседовали полчаса, до полного изнеможения. Странно? Еще как странно. Но, может, они в то заветное кресло сесть отказались? Или случайно чихнули в кабинете? Или есть во мне нечто такое, бесценно-юридическое, о чем я не догадываюсь? Смех смехом, но стоит ли должность секретаря Гринева свеч? И не от геморроя ли те будут? Ладно. Подумаю об этом, когда выплусь. Благо на работу сегодня идти не нужно.

Я спустилась с крыльца и не спеша зашагала по шерботой дорожке. Сбоку раздался многоголосый лай, я с любопытством повернула голову. Газон, начинавшийся у пристройки и узкой полосой тянувшийся вдоль задней стороны дома, облюбовали собаки. Понятно, почему он такой лысый! Разнокалиберные псы выгуливали своих хозяев.

– Леона-а-ар-рд! – раздалось мощное грудное контральто из форточки второго этажа. – Смотри, чтобы Эммануэл ничего не съел!

– Хорошо, дорогая! – послушно отозвался Леонард.

В его руках припадочно затряслось что-то мелкое и полулысое. Видимо, Эммануэл. Да, такого, пожалуй, лучше вообще на землю не спускать. Без поводка в траве фиг найдешь.

Тут из-за дальнего угла дома выскочила громадная зверюга и прыжками понеслась по газону. На конце ее поводка болталось субтильное существо в спортивном костюме и громко вопило: то ли пыталось командовать, то ли звало на помощь. Псина остановилась, утробно гавкнула. Присели и собаки, и хозяйка. Один лишь Эммануэл храбро завизжал. Зверюга помотала лобастой башкой и рванула... к пристройке. Глаза кровожадно блестели, из пасти размером с чемодан капала слюна. Сожрет! Как пить дать сожрет! Доказывай потом идиотам-хозяйкам, что собака должна гулять в наморднике! Я сглотнула и попятилась. Нога внезапно провалилась, что-то хрустнуло, я взмахнула руками, теряя равновесие. Приземлилась на задницу так, что зубы лязгнули, и зажмурилась. Будь что будет. Но... ничего не было. Я осто-

рожно открыла один глаз, потом второй, прочесала цепким взглядом окрестности... Зверюга обнаружилась в углу между домом и пристройкой. По квадратной собачьей морде разливалось выражение неопишемого блаженства, мощное мускулистое тело застыло в характерной позе. Прямо под окнами фирмы «Гринев и партнеры». Судя по всему, конкретно под окном отца-основателя. Так ему и надо! Мог хотя бы этот пятачок перед крыльцом нормально заасфальтировать. Чтобы клиенты на подступах не убивались!

Протяжно вздохнув, псина встряхнулась и весело потащила за собой существо в спортивном костюме. Смотреть на то, что осталось после нее, не хотелось. Похоже, только в нашей семье принято прихватывать сопочек и пакет, отправляясь на прогулку с Копой и Чупой.

Я поднялась на ноги и оглядела себя, оценивая потери. Юбка в пыли, задница ноет, но ноги целы. И даже не ободраны. Хрустел, оказывается, каблук. Устойчивый каблук моих любимых туфель. Черт! Его как будто срезало. Ровненько так, по самой подошве.

Да что же это за день такой сегодня?! То лысый со своей тушей, то тевтонец в лифте, теперь вот каблук! Отряхнув юбку, я полезла в сумку за влажными салфетками и наткнулась на скомканный лист, которым в меня кинули. Достала, развернула...

Это было резюме. Неплохое такое резюме. У Стасика Шопина имелся целый год практики в некоем ООО «Атмосфера». Помимо консультаций он разрабатывал договоры, составлял заключения, визировал акты. Знал английский и немецкий на уровне «могу послать далеко и надолго». Заранее давал свое согласие на любые командировки и сверхурочные. Да у него даже был опыт законотворческой деятельности! Пусть и в рамках института, который он окончил.

Я задумчиво повертела в руках лист. Конечно, работодателю глупо требовать всего того, чем хвастался в своем резюме соискатель. Но тут, похоже, написанное почти соответствовало действительности. На месте нанимателя, взвесив мое резюме и вот это, скомканное, я бы отдала предпочтение второму. К тому же оно было составлено столь педантично, что невольно подтверждало изложенную в нем личную характеристику: внимательность, пунктуальность, аккуратность.

Так-так. Факты пазлами складывались в картинку, и эта картинка мне совсем не нравилась. Из трех соискателей на собеседование расщедрились только со мной, потому что за то время, что мои конкуренты провели в кабинете, можно было лишь сказать: «Здравствуйте. Извините, но у нас нет должности, соответствующей вашей квалификации. До свидания». И все. Значит, господин Гринев предпочел ничего не знающую меня и с ходу отказал двум парням, что само по себе уже странно: молодых людей всегда берут охотнее, чем девушек. Ничего не знаю про мажора, но если учесть, что у Стасика было неплохое резюме и опыт работы... Возникает логичный вопрос: а профессиональные ли качества ищет в новом секретаре господин Гринев?

Фу, как можно сомневаться?! Конечно же, да. Только он случайно перепутал название должности. В объявлении нужно было указать не «секретарь», а «девушка необремененного поведения». Вот точно сволочь!

Кипя от злости, я попыталась шагать с оторванным каблуком. Выходило не очень. Прикинув стоимость проезда на трех видах транспорта плюс ковыляние по переходам с риском подвернуть вторую ногу, грохнуться и сломать себе шею, я скрипнула зубами и вызвала такси.

Всю дорогу в машине я костерила одного гада, доползшего по карьерной лестнице от сперматозоида до директора фирмы. Только время убила и деньги потратила! В общем, домой я ввалилась злая, а потому – опасная со всех сторон. Жека увидел меня первым.

– Понял, – он предостерегающе вскинул руки и попятился на кухню, – сматываюсь. Как прошло, даже не спрашиваю, – прокричал брат уже оттуда.

Вслед за словами он поступил в лучших традициях того, кто спасается от хищника: кинул в меня едой. Правда, не куском мяса, а мандаринкой. Вот ведь... Нейтрализатор и дипло-

мат замороженный. Я сунула мандаринку в сумочку, скинула туфли, еще раз внимательно их осмотрела. Засада. По идее, нужны новые. Вот получу завтра расчет – и куплю!

– Взятки берешь? – В дверь осторожно заглянул Жека.

– Смотря какие! – фыркнула я.

Оказалось, он самолично приготовил для меня какао с зефиркой. Кстати, зефирка ему особенно удалась: он даже не обглодал ее по краю, доставая из упаковки. Я отхлебнула горячего ароматного напитка и почувствовала, как злость отпускает. Наконец-то дома... Ух, сейчас как завалюсь спать...

Но тут зазвонил телефон. Айрат. Ясно. Вспылил, подождал, пока пыль осядет, и понял, что у него в графике что-то не срослось.

– Слушаю, – насмешливо поприветствовала я.

– Таня, извини, я погорячился, выйдешь сегодня в смену.

– А увольнение?

– Какое еще увольнение? Даже не думай! Только идиот отпустит лучшую официантку!

Так что ты давай, собирайся на работу.

Лучшая официантка? Воу! У Айрата вроде бы не было спортивного разряда по гимнастике, но он так прогнулся... Видимо, со сменой полный швах.

– Конечно, я выйду. И как не выручить такого хорошего человека, который сегодня утром мне подарил отличную сковороду! – вкрадчиво сказала я и с интересом прислушалась.

Из трубки доносилось сердитое сопение. Хороший человек, грозившийся по дороге в больницу не только вычесть из моей зарплаты полную стоимость испорченного инвентаря, но и штрафануть «на будущее, чтоб неповадно было», вел неравный бой сам с собой.

– Выходи, – наконец выдавил он и скрипнул зубами так выразительно, что я прямо ощутила его руки на своей шее. – Шантажистка...

Через каких-то пару часов я уже носилась по залу, разнося заказы за двоих. Машка на работу не явилась, а наши сменщицы – кто не смог, кто не захотел. И имели, кстати, на это полное право: до сегодняшнего дня у них в графике значились выходные, на которые уже были планы.

– А где твоя напарница? – спросил бармен, когда я в очередной раз на крейсерской скорости пробегала мимо.

Где, где. Самой бы хотелось знать. А еще упасть куда-нибудь и уснуть. Но взгляд Айрата, в котором читалось: «Это устройство может работать быстрее», зорко следил за мной. Когда управляющий понял, что устройство все же вот-вот сломается, и даже дозаправка в виде двойных чаевых не поможет, то нацепил форменный фартук и засновал по залу. И эта круговерть, казалось, никогда не кончится.

У нас на курсе ходила шутка, что следователь прокуратуры может выжать из тюбика в два раза больше зубной пасты, чем той залили на заводе. Так вот, утром я была тем самым тюбиком. Когда ресторан закрылся, я поняла, что еще немного – и я бы откинула копыта, как тот загнанный конь. Или лось. Или кого там еще загоняли. Немного взбудрили солидные чаевые. И мы с барменом наконец-то узнали, где Машка.

Как сообщил надежный (но фиг проверишь) источник – уборщица Земфира, – управляющий официантку уволил. Причем так тихо, что Сашка, весь вечер в запаре готовивший коктейли, и не заметил.

Хотя в начале смены, когда «Лось» был полон народу, такого поворота событий ничего не предвещало. Машка порхала меж столиков, виляя попой и источая авансы-улыбки самым солидным клиентам. А потом в зале появилась женщина. Скромно одетая и уже не молодая, она присела за столик.

– Добрый день. – Машка подошла не сразу, бухнула перед ней меню и ускакала к более перспективным клиентам.

А женщина все сидела, оглядывалась, но, когда официантка подскочила к ней, чтобы записать заказ, выяснилось, что гостя ничего не желает.

– Так чего приперлась сюда тогда? Сидит, глазами зыркает, места занимает. Я щас охрану позову. У нас тут приличное заведение, а не бомжатник, и убогим не подаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.